

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28

ОТ «ТЕХНИКИ» К «МУЗЫКЕ СЛОВА»: СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ Е. И. ЗАМЯТИНА

Урюпин И. С.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить идейно-смысловые и конструктивно-стилевые особенности организации поэтических текстов Е. И. Замятина в контексте эстетической теории, разработанной писателем в «Лекциях по технике художественной прозы»; осуществить системно-целостное описание стихотворных опытов как неотъемлемой части художественного мира Е. И. Замятина.

Процедура и методы. В статье представлен анализ трёх стихотворений Е. И. Замятина, носящих интимно-личностный характер и адресованных Л. Н. Усовой и Р. В. Руре. С помощью структурно-типологического, историко-культурного и историко-генетического методов научного исследования художественного текста рассматривается поэтика стихотворений Е. И. Замятина, определяется их мотивно-образный строй, семантико-стилевая организация.

Результаты. Установлены содержательно-смысловые и формально-конструктивные доминанты в лирике Е. И. Замятина на уровне субъектно-объектных отношений, организующих внутреннее и внешнее пространство поэтических текстов; обнаружены эстетические и философско-онтологические параметры, позволяющие верифицировать стихотворные опыты Е. И. Замятина как проявления поэтической культуры Серебряного века, выявлена идейно-эстетическая близость стихотворений автора романа «Мы» к акмеизму как направлению в искусстве начала XX в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение творческого наследия Е. И. Замятина, уточняют роль и место в нём стихотворных опытов писателя, представляющих собой конкретную реализацию эстетической концепции неореализма.

Ключевые слова: акмеизм, Е. И. Замятин, «Лекции по технике художественной прозы», неореализм, поэзия Серебряного века, стихотворные опыты

FROM “TECHNIQUE” TO “MUSIC OF WORDS”: POETIC EXPERIMENTS BY E. I. ZAMYATIN

I. Uryupin*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the ideological-semantic and constructive-stylistic features of the organization of poetic texts by E. I. Zamyatin in the context of the aesthetic theory developed by the writer in his “Lectures on the Technique of Fiction”; to carry out a system-holistic description of poetic experiments as an integral part of the art world of E. I. Zamyatin.

Methodology. The article presents an analysis of three poems by E. I. Zamyatin, with an intimate and personal nature and addressed to L. N. Usova and R. V. Ruhr. With the help of structural-typological, historical-cultural and historical-genetic methods of scientific research of the artistic text, the poetics of poems by E. I. Zamyatin are considered, their motive-shaped structure and semantic-stylistic organization are determined.

Results. Substantial-semantic and formal-constructive dominants in the poems of E. I. Zamyatin were established at the level of subject-object relations that organize the internal and external space of poetic texts; aesthetic and philosophical and ontological parameters were discovered that allow us to verify the poetic experiments of E. I. Zamyatin as manifestations of the poetic culture of the Silver Age, the ideological and aesthetic proximity of the novel “We” author’s poems to acmeism as an art movement of the beginning of the twentieth century was revealed.

Research implications. The results of the study contribute to the study of the creative heritage of E. I. Zamyatin, clarify the role and place in it of the poetic experiments of the writer, which are a specific implementation of the aesthetic concept of neorealism.

Keywords: E. I. Zamyatin, neorealism, acmeism, poetic experiments, poetry of the Silver Age, “Lectures on the technique of fiction prose”

Введение

Творчество Е. И. Замятина, «отметившегося», по выражению Л. В. Поляковой, «во всех “потоках” русской литературы» (он «был реалистом и модернистом», ярким представителем «литературы “серебряного века” и литературы “советской”, принадлежал к литературе “русского зарубежья”, был “еретиком»» [12, с. 19] и вместе с тем «ортодоксом», укоренённым в народной культуре «глубинной, почвенной России» [8, с. 3]), неизменно вызывает интерес у читателей и исследователей. Однако по преимуществу в центре внимания учёных-гуманитариев, пытающихся осмыслить вечные экзистенциально-метафизические проблемы бытия человека и человечества, находится роман «Мы» (1920), который Е. И. Замятин в автобиографии 1922 г. называл своей самой «шуточной и самой серьёзной вещью»¹. Именно в нём в художественно-концентрированном виде отразилась диалектическая сложность мировоззрения писателя, «его гуманистические идеалы, главным из которых является утверждение ценности отдельной человеческой жизни и свободы личности» [9, с. 43]. За последние десятилетия замятиноведение, сложившееся в отдельную отрасль филологической персонологии и уже в значительной степени оторефлектированное в отечественной науке, вышло на новый уровень постижения «художественного наследия писателя в контексте

истории русской литературы XX века» [13, с. 21]. Но в этом наследии, ещё не в полной мере систематизированном (до сих пор не подготовлено академическое собрание сочинений Е. И. Замятина), немало белых пятен и лакун.

После публикации М. Ю. Любимовой в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в малотиражных альманахах и сборниках отдельных стихотворений мэтра русского авангарда, учителя «Серапионовых братьев» и авторитетного сотрудника издательства «Всемирная литература», никакой реакции профессионального сообщества не последовало. Остались незамеченными эти стихотворения Е. И. Замятина и в собрании сочинений писателя, составленного С. С. Никоненко и А. Н. Тюриным, они помещены в приложения к четвёртому тому «Беседы еретика» (2010) наряду с киносценариями, литературной критикой, публицистикой и фрагментами инсценировок классики. О поэзии Е. И. Замятина ничего не сказано и в «Замятинской энциклопедии» Т. Т. Давыдовой, в которой между тем отмечена удивительная особенность произведений писателя, органично сочетающих «лиризм и комизм, философскую глубину и народные верования»², художественно конденсированные в восходящих к фольклору жанрах частушки и прибаутки, изрядно трансформированных и растворившихся в орнаментальной прозе автора «уездной» и «петроградской» трилогий. В последнее время исследователи

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Русь. М.: Русская книга, 2003. С. 4.

² Давыдова Т. Т. Замятинская энциклопедия. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 5.

обратили внимание на «импрессионистическую» манеру произведений писателя, на его особое «импрессионистическое» «видение» и «узнавание» мира [3, с. 230].

«Орнаментализм» Е. И. Замятина, превозносившего идею «синэстетичности языка» [6, с. 33], изобразительно-выразительный потенциал которого раскрывается наиболее ярко «на стыке» литературных родов и жанров через «нетипичную (иногда аномальную)» «семантическую интерференцию» [6, с. 32], проявился в цикле небольших рассказов «Верешки» (1918). Входящие в него миниатюры («На диване», «Зверята», «Трамвай», «Снег») исследователи единодушно называют стихотворениями в прозе, отличительными чертами которых, по замечанию Е. В. Юдайкиной, являются не только «малый объём», но особый «синтез лирического и эпического», обеспечивающий «упорядоченность тематического и словесного материала, философичность, медитативность», «фрагментарность, афористичность, открытость авторской позиции» [15, с. 78]. Эти конструктивно-формальные параметры поэтического высказывания наиболее ярко проявились в стихотворениях Е. И. Замятина, в которых отразился внутренний и внешний мир художника.

Подчёркнутая субъектность, отражающая «поэтическую установку автора» и являющаяся «прямым следствием его мироощущения, миропонимания, “мирочувствия”», обеспечивает единство «замятинского текста», который Е. В. Алтабаева справедливо называет «художественным и языковым феноменом» [1, с. 506]. «Феноменологию» замятинского текста Ю. Б. Орлицкий усматривает в развитии «стихового начала», которое реализуется в прозе писателя и «включает, наряду с собственно метрическими приёмами, разнообразные формы звуковой инструментовки, богатый арсенал языковых синтаксических средств, прекрасно разработанный сюжетный (лейтмотивный) ритм» [11, с. 369]. Художественно-стилевой потенциал ритмизованной прозы Е. И. Замятина в

полной мере был реализован в стихотворениях писателя.

Всё это «по определению» характерно и для поэтической речи Е. И. Замятина, на которую – вольно или невольно – оказывала влияние рождавшаяся в творческом сознании писателя в начале XX в. его эстетическая концепция. Своей «органичностью» и «диалогичностью», в особенности в понимании художественного образа, «принципиально незавершённого» и «изоморфного личности» [4, с. 56] самого автора, она отличалась от самодостаточного и во многом имманентного подхода к литературе, пропагандируемого В. Б. Шкловским и другими теоретиками формальной школы, с которыми Е. И. Замятин сотрудничал в Петроградском Доме искусств в первые годы революции. Абсолютизируя авторское начало в произведениях словесности, Е. И. Замятин, так болезненно переживавший нивелировку личности в современной ему реальности и гротескно утрировавший этот процесс в антиутопии «Мы», ратует за освобождение субъекта от власти необходимости и возвращает человеку его исконное право – быть «мерой всех вещей».

Такое «человекоизмерение» мира является миссией литературы, в которой с помощью слова как инструмента художник выражает самого себя, свой нравственно-философский опыт познания бытия. Концентрированной формой духовного освоения реальности оказывается поэтическое искусство. Даже будучи маргиналиями в жанрово-родовой парадигме творчества Е. И. Замятина, его стихотворения содержат репрезентативные образы-концепты, принципиально важные для культуры Серебряного века, из которых складывается целостная картина мира художника. Выявление этих образных доминант в интимной лирике Е. И. Замятина, представленной всего несколькими стихотворениями, в значительной степени отражающими ключевые идеи этико-эстетической концепции писателя, и составляет цель данной работы.

Концепция поэтического искусства Е. И. Замятина: от теории к практике или от практики к теории

После литературного успеха повести «Уездное» (1912), в которой «проявились характерные черты замятинского идиостиля» [7, с. 16] («гипербола, гротеск, фантастика и другие виды вторичной условности», позволяющие художнику «прорваться сквозь быт к бытию», «уйти от социальной типизации к некоей “универсализации”» [7, с. 19]), в творческом сознании писателя начинается процесс эстетической рефлексии, результатом которого впоследствии явилась теория словесного искусства. Впервые основные её положения были раскрыты Е. И. Замятиным на лекции в Лебедянском народном университете 8 сентября 1918 г., а затем уточнялись и конкретизировались на заседаниях литературной студии Дома искусств в Петрограде. Собранные вместе, эти литературоведческие штудии Е. И. Замятина составили по сути полноценное исследование – «Лекции по технике художественной прозы», частично вошедшие в мюнхенское собрание сочинений писателя 1988 г. и дополненные в новейших изданиях.

Для инженера-кораблестроителя, преподававшего одно время в Санкт-Петербургском политехническом институте и уже вошедшего в начале XX в. в научный мир своими специальными работами, опубликованными в журналах «Теплоход» и «Русское судоходство», понятие «техники» было принципиально важно. Актуализируя собственно «техническое», формально-конструктивное начало в произведениях словесности, Е. И. Замятин, как и А. Ф. Лосев, понимал под техникой «приёмы и законы искусства» [10, с. 885], да и само слово «техника», как указывается в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, восходит к греческому слову женского рода «*technikē*» и буквально значит «искусная»¹. *Искусная* «организация» словесного выска-

зывания, обладающего глубоким смыслом и эстетическим совершенством в его выражении, и составляет сущность литературного произведения безотносительно к его родовидовой принадлежности.

В этом был убеждён Е. И. Замятин, задававший вопрос – «В чём разница между поэзией и прозой? И есть ли она?»² – и приходивший к выводу: «между поэзией и художественной прозой – нет никакой разницы. Это – одно»³. «Мы не в состоянии различить, где кончается поэзия, и где начинается художественная проза»⁴, – заявлял писатель в лекции «О языке», посвящённой «изобразительным приёмам» текstopорождения. «Метафоры, метонимии, синекдохи», будучи *внутренними* элементами формы, в равной мере присущи и поэзии, и прозе, которые в современном словесном искусстве утрачивают свою *внешнюю* специфику: «теперь мы имеем стихи без рифм, мы имеем стихи без определённого ритма – *vers libre*»⁵. Но при этом «стихи», как ни парадоксально, не перестают существовать, а поэзия не сводится исключительно к «*технике пользования словом*»⁶ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.), в ней есть нечто неуловимое и сокровенное, что выходит за пределы рассудочного понимания в область сверхъестественного, то истинное «волшебство», о котором размышлял в своём трактате «Поэзия как волшебство» (1915) К. Д. Бальмонт: «Мир есть всегласная музыка. Весь мир есть изваянный стих» [2, с. 22]. Именно музыка с её метафизической гармонией и вместе с тем в её алгебраическом измерении, сопряжённом с духовно-интуитивными прозрениями, открылась символистам, почувствовавшим иррациональную «музыку слова», разгадавшими «особенную настройку слов»⁷, с помощью которых другому открывается мир.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 333.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 333–334.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Там же. С. 311.

¹ Техника // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV. С – Ящурный. М.: Гос. изво нац. словарей, 1940. С. 701.

«Этот способ изобразительности, – утверждал Е. И. Замятин, – от символистов унаследовали и новореалисты. Нечего и говорить, что музыку слова мы найдём в *стихах новореалистов*»¹ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.). В «Очерке новейшей русской литературы» (1918) писатель сформулировал концепцию «новореализма», явившегося результатом синтеза (или «синтетизма», как назовёт Е. И. Замятин в 1922 г. свою эстетическую теорию «неореализма как модернистского течения»²) двух диаметрально противоположных начал: реализма и символизма. Конкретным проявлением такого органического синтеза является «музыка слова»: «самые сложные чувства вызывает в нас музыка – такие чувства, что иной раз никакими словами их не опишешь. Как раз о таких сложных чувствах приходилось писать и символистам, и никакого другого способа у них не было, как изображать чувства, вызываемые музыкой – посредством *музыки слов*. Словами стали пользоваться как музыкой, слова стали настраивать как музыкальный инструмент»³ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.). Однако, отвергая мистику символизма, имевшего «мужество уйти» от жизни, Е. И. Замятин ратовал за мужество возвращения к жизни. «Но, вернувшись к жизни, новореалисты стали изображать её иначе, чем это делали реалисты»⁴. Изменилось и отношение художников к «музыке слова». На смену интуитивному настраиванию на вселенскую гармонию с помощью сверхрационального камертона в новореализме приходит «технология» «пользования музыкой слова – весь арсенал новейшей поэзии: аллитерации, ассонансы, инструментовка»⁵. Е. И. Замятин

использует богатейшие возможности поэтического языка русской классической литературы, но не абсолютизирует их формальной природы, которая всегда выступает лишь выражением сложнейших мыслей и чувств, рождающихся из недр сознания художника, из глубины его души.

Однако сами по себе изобразительно-выразительные средства, которые используют «подлинные мастера» словесного искусства, ничего не значат, если они не служат выражению индивидуальности автора, раскрывающего свою душу, своё понимание и переживание жизни. В результате создаётся неповторимый мир-образ, в котором отражается личность художника, его внешняя и внутренняя биография, выстраивающаяся в особый текст, адресованный доверительному собеседнику – читателю. «Рассказчиком, настоящим рассказчиком о себе, – настаивал Е. И. Замятин, – является, строго говоря, только лирик», «лирик переживает только себя»⁶, но его субъективные переживания достигают степени объективности, всеобщности. Отсюда «*обобщения, символы*»⁷, к которым в своё время прибегали символисты и которые теперь составляют «особенность новореалистов»⁸. «Новореалисты вернулись к изображению жизни, плоти, быта» уже через призму «впечатления», т. е. через «пользование приёмом импрессионизма»⁹. «Определённость и резкая, часто *преувеличенная яркость красок*», «*сжатость языка*»¹⁰ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.) становятся отличительной чертой неореалистической эстетики Е. И. Замятина, проявившейся не только в его прозаических, но и в поэтических произведениях, которые создавались в одно и то же время, поверяли и проверяли художественной практикой теоретические идеи писателя.

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 311.

² Давыдова Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелёв, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 23.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 301.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Там же. С. 309.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ Там же. С. 312.

¹⁰ Там же.

**Стихотворения Е. И. Замятина:
«частная» жизнь и неизвестная часть
творческого наследия**

Стихов Е. И. Замятин не печатал, почти никто из собратьев по литературному цеху не знал, что руководитель семинара прозы в Петроградском Доме искусств искушён в поэзии или – как минимум – приобщён к ней. Сохранилось лишь три стихотворения Е. И. Замятина, которые носят сугубо частный характер. Два из них посвящены Людмиле Николаевне Усовой (1883–1965), невесте, а затем супруге, верной соратнице и музе художника. Стихотворение «Желание», содержащее важный хронологический подзаголовок «СПб. Фонтанка. 1908 г.»¹, написано в пору «петербургского романа» молодого инженера и слушательницы Женского медицинского института. Поэтическое признание в любви («Я ничего не хочу, / Дай мне лишь снов и любви»²) оказалось далеко не только выражением сугубо частных переживаний автора. В самом воплощении сокровенных мыслей и чувств лирического героя, готового пожертвовать собой во имя любви («Жизнью своею плачу – / Заплачу, лишь меня позови»)³, преодолеваются романтические штампы и открываются новые художественные возможности для передачи психологического состояния субъекта (субъектов). Отсюда поливалентность и полифоничность замятинского стихотворения, словесный поток которого вбирает не только речь героя, но и отчётливо звучащий в ней живой голос героини:

Веки замкнувши, шепни:
“Милый, скорее. Я жду.
Милый, скорей. Мы одни”⁴.

Этот приём будет активно использовать А. А. Ахматова («Герб нёс изогнутый и древний...» (1909), «Читая “Тамлета”» (1909), «Сжала руки под тёмной вуалью...» (1911) и др.) в своей акмеистической поэтике. «Профессиональное сотрудничество с Н. С. Гумилёвым и дружба с А. А. Ахматовой» [14, с. 41], погружённость в общую духовно-интеллектуальную атмосферу литературной жизни Петербурга – всё это, по мнению М. А. Хатямовой, определило «близость Замятина к акмеизму» [14, с. 24], с которым у писателя на протяжении всего его творческого пути складывались отношения притяжения / отталкивания. Концентрация внимания на художественной детали, напряжённый психологизм в стихотворении Е. И. Замятина имеют несомненную акмеистическую природу:

Я поникну, качнусь, упаду.
Я упаду на костёр,
В пламя объятий твоих.
Я так хочу, чтобы стёр –
Как узор, мне всю жизнь этот миг⁵.

В ахматовском «Смятении» (1913) психологический надрыв так же, как и у Е. И. Замятина, передаётся с помощью поэтического переноса:

Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить⁶.

Анжамбеман, используемый Е. И. Замятиным в финале стихотворения «Желание», в сильной позиции, позволяет эмоционально выделить глагол *стёр*, выступающий словесно-энергетическим фокусом переживаний лирического героя, в порыве страсти бросающегося в *костёр* любви и готового пожертвовать *всей* своей *жизнью* во имя *мига* блаженства, раство-

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

⁶ Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. С. 115.

риться «в пламени объятий» возлюбленной, навечно оставив на душе, «как узор», огненный след-клеймо. Сам речевой поток, выливающийся в поэтическую строфу, имеет ярко выраженный ритм и чёткую инструментовку. Рифма же, напротив, в стихотворении почти не актуализирована (за исключением только одной рифмующейся пары: костёр / стёр, на которой делается смысловой акцент), зато весь поэтический строй держится на ассонансах, к тому же анафорически усиленных (Я – Я – ... / – Я). В лекции «Инструментовка», прочитанной Е. И. Замятиным молодым литераторам в Доме искусств, содержится принципиально важный тезис, который в полной мере был реализован в стихотворениях самого лектора: «Рифма допустима лишь изредка, как намеренный приём, как частный случай полного ассонанса. При этом непременно рифмуемые слова – ставятся рядом, что лишает такой консонанс вида нормальной стихотворной рифмы»¹. Рифма в представлении Е. И. Замятина выступает лишь актуализатором заложенного в слове глубинного содержания, она высвобождает наружу через гармонию звука музыку микро- и макрокосма.

Уловив определённый ритм, идущий из глубины души, поэт оказывается в его власти, требующей словесного воплощения / выражения мыслей и чувств, прорывающихся наружу и приобретающих «тягучую» форму, в которую облекается само высказывание, представляющее собой сложно организованный синтаксический период. В стихотворении, посвящённом Л. Н. Усовой и датированном 16 сентября 1909 г., весь поэтический текст построен по этому принципу:

О, ты, из породы медичек,
Хотя маленькая, но тем не менее милая Мила,
Вывув сии цветы из петличек,
В дар тебе с опущенной головой приносим уныло.

Уныло, потому что не знаем,
Как посмотришь ты на наше поведение в этом доме,
Снятом, как известно в наём
Холерой – при таком строгом, как ты, мажордоме².

Ритмический рисунок стихотворения строится на контрапунктах (синтагма разбивается парцелляцией, слово *уныло* завершает одно предложение и, повторяясь, начинается другое, как будто бы «из середины»). В конспекте лекции по «инструментовке», разъясняющей сущность одного из самых значимых поэтических *инструментов* для передачи «настроения или состояния»³ лирического субъекта, Е. И. Замятин отмечал особую роль контрапункта, создающего неповторимую мелодию и мелодику текста. Отсюда важность «гармонического построения мелодии, отношение каждого из типов к ладу» независимо от «благозвучия» и «неблагозвучия»⁴. Для самого художника вопрос о неблагозвучии (на уровне внешней и внутренней музыки слова) стоял особенно остро, ведь кажущееся неблагозвучие выступает отражением сложнейших эмоциональных состояний поэта, отражающего диссонанс мира и человека.

По своей тональности стихотворение «О, ты, из породы медичек...» трудно назвать благозвучным, но ироничный «ритм и расстановка слов» актуализируют «мелодические приёмы» – ассонансы и аллитерации, делающие художественный текст выразительным. «Эффектным изобразительным средством ассонансы и аллитерации, – утверждал Е. И. Замятин, – становятся, когда из приёмов гармонических они переходят в приёмы мелодических», а это значит, что «всякий звук человеческого слова» «создаёт звукообразы»⁵. Такие «звукообразы» в стихотворении возникают не случайно и рождаются в процессе самого акта глоссолатии, когда в поэтической

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 361.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411–412.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 363.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Там же. С. 362.

речи начинают отчётливо проявляться определённые звуки, обладающие некой сверхсемантикой: «Р – ясно говорит мне о чём-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л – о чём-то бледном, голубом, холодном, плавном, лёгком. Звук Н – о чём-то нежном, о снеге, небе, ночи. Звук Д и Т – о чём-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом, о вате. Звук М – о миллом, мягком, о матери, о море. С А – свящается широта, даль, океан, морево, размах. С О – высокое, глубокое, море, лоно. С И – близкое, низкое, стискивающее»¹. В стихотворении о «маленькой» «милой Миле» «из породы медичек» совершенно очевидно повторяются звуки [м], [н], [и], ассоциирующиеся «с чем-то нежным», «близким», «милым». При этом всё доверительное и сокровенное, что поэт пытается донести до возлюбленной, выражается по-замятински иронично, но вместе с тем предельно искренне:

Но все тайное будет явным –
Как сказано где-то, кажется, в Святом
Писании.
Бутылки – силу дал дьявол им –
Приведут нас в хорошее настроение,
вращение и качание².

Упоминание Священного Писания в ироническом контексте, на первый взгляд, может показаться странным, т. к. явным всё становится только в момент дьявольского наваждения / опьянения. Но для «еретика» Е. И. Замятина, ратовавшего за свободу духовного поиска и выступавшего против поклонения всяческим догмам и абсолютным авторитетам, ирония – не разрушительная, а созидательная сила. В своих рассуждениях о новореализме писатель утверждал, что «есть два способа преодолеть трагедию жизни: религия или ирония»³ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.).

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 362–363.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 412.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5.

В стихотворении, адресованном своей будущей жене, оба способа оказываются действенными. Аппелляция к «Святому Писанию», хотя и весьма ироничная, будет укреплять веру поэта в жизнь и давать ему энергию и силу. Так будет на протяжении всего творческого пути Е. И. Замятина.

Об этом свидетельствуют его записные книжки и сугубо частные заметки, включая поэтические строки «Из альбома Розы Васильевны Румы» (1921), буфетчицы издательства «Всемирная литература»: «Без шипов не бывает роза...»⁴. Иронический зачин стихотворения, обыгрывающего имя адресата, разворачивается в ёмкую философскую сентенцию, утверждающую естественность и неизменность предустановленного свыше порядка вещей, обеспечивающего смену дня и ночи, жизни и смерти, неизбежность страданий и вместе с тем надежды на счастье:

После поэзии – непременно проза, –
Так уж нам, видно, всем суждено⁵.

В не предназначенном для печати стихотворении, лишь формально соответствующем жанру «альбомной лирики», носящей по преимуществу «интимно-шуточный» [5, с. 28] характер при всей комплиментарности по отношению к тому, к кому обращён текст («Васильевна – не Васильевна – всё равно»⁶), за бытовыми деталями (покупка фунта чаю за баснословные деньги в голодном Петрограде: «Тридцать тысяч! Да ты спятил с ума!»⁷) проступает социально-политический контекст:

Это – Антанта, всё Врангель и Антанта
Виноваты, что на берегах Невы
Рай пурпурный обращён в ад Данта⁸.

Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 305.

⁴ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 412.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Оригинальная богатая рифма «Антанта» / «ад Данта», в которой проявилась весьма ценная Е. И. Замятиным «способность к ассоциированию»¹, позволила увидеть за «пурпурным раем» революционной столицы inferнальное пламя бездны, в которую погружался герой «Божественной комедии» и которая так настораживала и пугала автора уже написанного романа «Мы».

Заключение

Поэтическое наследие Е. И. Замятина, быть может, ещё не обнаруженное в архивах и книгохранилищах во всем своём полном объёме, недоступное для читателей и исследователей, ждёт своего часа. Но, даже если Е. И. Замятин «останется» автором всего трёх стихотворений, написанных в начале XX в., в эпоху необыкновенного культурного подъёма, поистине «нового Ренессанса», его лирическое слово отзовётся в хоре голосов Серебряного века. Поэтическое слово Е. И. Замятина, самодостаточное и оригинальное, достигшее максимальной художественной выразительности в стихотворных опытах писателя, обладает особой эстетической валентностью, созвучием с пронзительным голосом эпохи Серебряного века, оно обладает не-

повторимой музыкой, в которой гармония и диссонансы неразрывно связаны в лирической стихии Жизни. В стихотворениях интимно-личностного характера, адресованных Л. Н. Усовой и Р. В. Руре, в альбоме которой, кроме Е. И. Замятина, писали Ф. Сологуб, А. А. Блок, Н. С. Гумилёв, Н. А. Оцуп, Г. В. Иванов, К. И. Чуковский, Вс. А. Рождественский и другие выдающиеся представители русской культуры XX в., «воссоздаются реалии двух контрастных миров» – «мира искусства» и «конкретной бытовой среды»² Петербурга / Петрограда. Бытовая вещь и бытовая ситуация в стихотворениях Е. И. Замятина, воплощённые в своей «органической» самодостаточности и вместе с тем обладающие ярко выраженной психологической суггестивностью, становятся характерными особенностями акмеизма как нового (по сравнению с символизмом и классическим реализмом) направления в искусстве. Это направление сущностно совпадает с теорией и практикой неореализма («новореализма»), эстетическую концепцию которого разрабатывал Е. И. Замятин и которая кристаллизовалась в его «Лекциях по технике художественной прозы».

Статья поступила в редакцию 11.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Замятинский текст: язык и концептосфера (к методологии исследования) // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. С. 505–509.
2. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. М.: РИПОЛ классик, 2020. 206 с.
3. Ван Хунюань. «Импрессионизм» Е. И. Замятина: видение или узнавание? // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 228–231.
4. Воробьёва С. Ю. Эстетическое кредо Е. Замятина: концепция писателя в контексте эпохи кризиса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение, журналистика. 2020. № 1 (19). С. 45–58.
5. Жиликов С. В. Мнемонический мотив в «альбомной лирике» первой половины XIX века (на примере произведений Е. А. Баратынского) // Philologos. 2021. № 1 (48). С. 26–32.
6. Зими́на Н. Ю. О процессе становления русской орнаментальной прозы // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения В. Шукшина: сборник статей. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 31–34.

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 321.

² Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Румы). Публикация Т. А. Кукушкиной // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 341.

7. Кольцова Н. З. Творчество Е. Замятина: Проблемы поэтики. М.: ЯСК, 2019. 176 с.
8. Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: ЕГПИ, 2000. 265 с.
9. Курочкина А. В. Общественно-политические воззрения Е. Замятина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 41–47.
10. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
11. Орлицкий Ю. Б. Преодолевая «метрический стандарт» // Е. И. Замятин: Личность и творчество писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей: сборник статей. СПб.: РХГА, 2015. С. 361–373.
12. Полякова Л. В. Е. И. Замятин как классик русской литературы. К проблеме соотношения «литературных рядов» // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Кн. XII. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. С. 7–27.
13. Толмачёва О. В. Современное отечественное замятиноведение: итоги и перспективы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 25 с.
14. Хамямова М. А. Эстетика Е. И. Замятина и акмеистская парадигма творчества // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6. Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры. Томск: Томский университет, 2004. С. 23–55.
15. Юдайкина Е. В. Жанр стихотворения в прозе в творчестве Е. И. Замятина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–3 (21). С. 78.

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. [Zamyatin's Text: Language and Concept Sphere (Towards Research Methodology)]. In: *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individual'nosti: materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov* [Literary Studies at the Stage: Theory. History of Literature. Creative Individuals: Materials of the International Congress of Literary Critics]. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavina Publ., 2009, pp. 505–509.
2. Balmont K. D. *Poeziya kak volshebstvo* [Poetry as Magic]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 206 p.
3. Wang Hongyuan. [Yevgeny Zamyatin's "Impressionism": Vision or Recognition?]. In: *Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2021, no. 2 (35), pp. 228–231.
4. Vorobyova S. Yu. [Aesthetic Credo of E. Zamyatin: Concept of the Writer in the Context of the Crisis Era]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism, Journalism], 2020, no. 1 (19), pp. 45–58.
5. Zhilyakov S. V. [Memonic Motive in the "Album Lyrics" of the First Half of the XIX Century (On the Example of the Works of E. A. Baratynsky)]. In: *Filologos* [Philologos], 2021, no. 1 (48), pp. 26–32.
6. Zimina N. Yu. [On the Process of Formation of Russian Ornamental Prose]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. Shukshina* [Current Issues of Philological Research: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of V. Shukshin]. Krasnodar, Yug Publ., 2019, pp. 31–34.
7. Koltsova N. Z. *Tvorchestvo E. Zamyatina: Problemy poetiki* [Creativity of E. Zamyatin: Problems of Poetics]. Moscow, YASK Publ., 2019. 176 p.
8. Komlik N. N. *Tvorcheskoe nasledie E. I. Zamyatina v kontekste traditsiy russkoj narodnoj kul'tury* [Creative Heritage of E. I. Zamyatin in the Context of the Traditions of Russian Folk Culture]. Elec, EGPI Publ., 2000. 265 p.
9. Kurochkina A. V. [Ye. Zamyatin's Socio-Political Views]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, vol. 16, iss. 1, pp. 41–47.
10. Losev A. F. *Forma – Stil' – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 944 p.
11. Orlicskiy Yu. B. [Overcoming the "Metric Standard"]. In: *E. I. Zamyatin: Lichnost' i tvorchestvo pisatelya v otsenках otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelej* [E. I. Zamyatin: The Personality and Creativity of the Writer in the Assessments of Domestic and Foreign Researchers]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2015, pp. 361–373.
12. Polyakova L. V. [Zamyatin as a Classic of Russian Literature. On the Problem of the Relationship between "Literary Series"]. In: *Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy. Kn. III* [Creative Heritage of Evgeniy Zamyatin: A View from

- Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Theses. Book XII]. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavina Publ., 2004, pp. 7–27.
13. Tolmachyova O. V. *Sovremennoe otechestvennoe zamyatinovedenie: itogi i perspektivy: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Modern Domestic Zamyatin science: Results and Prospects: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2012. 25 p.
 14. Khamyamova M. A. [Aesthetics E. I. Zamyatin and the Acmeist Paradigm of Creativity]. In: *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog. Vyp. 6. Formy samorefleksii literatury XX veka: metateksty i metatekstovye struktury* [Russian Literature in the Twentieth Century: Names, Problems, Cultural Dialogue. Vol. 6. Forms of Self-Reflection in Twentieth-Century Literature: Metatexts and Metatextual Structures]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2004, pp. 23–55.
 15. Yudaykina E. V. [The Genre of Prose Poems in the Works of E. I. Zamyatin]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2001, no. 3–3 (21), pp. 78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: isuryupin78@mail.ru; is.uryupin@mpgu.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor S. Uryupin – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Russian Literature of the 20–21st centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State Endowment University; e-mail: isuryupin78@mail.ru; is.uryupin@mpgu.su

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Урюпин И. С. От «техники» к «музыке слова»: стихотворные опыты Е. И. Замятина // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 18–28.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28

FOR CITATION

Uryupin I. S. From “Technique” to “Music of Words”: Poetic Experiments by E. I. Zamyatin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 18–28.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28